

Свечение заполонило собой все вокруг и было столь интенсивным, столь ослепительно ярким, что, казалось, поглотило, растворило в своем сиянии пространство, время, запахи, звуки, саму материальность как таковую, оставив Яну лишь способность ясно, четко мыслить и испытывать-переживать в разы усилившиеся, мощные эмоции и чувства.

Это чудесное, нереальное сияние не слепило, не вызывало страха или болезненных, неприятных ощущений своей небывалой, какой-то неземной насыщенностью — нет, наоборот, от него исходило и накрывало, обволакивая, ощущение чего-то бесконечно теплого, успокаивающего, искристо-радостного, сродни переполняющему чувству восторженного абсолютного счастья, которое своим еще незамутненным сознанием могут испытывать только дети. И что-то еще, что-то еще... давно позабытое, утраченное, но такое родное, такое потрясающе правильное, истинное изливалось на него от этого удивительного свечения.

Вдруг в самом центре светового потока, словно из какого-то дрожащего зыбкого марева, стали проявляться неясные очертания некой смутной фигуры, будто от чего-то огромного, непостижимого и всеобъемлющего отделилась малая толика, обозначившись чуть более плотным, размытым контуром. Фигура не

стояла на месте, а плавно приближалась, и чем ближе придвигалась она к Яну, тем отчетливей проявлялись детали ее облика, и он смог рассмотреть, что это зрелый, благообразный, скорее даже величественный мужчина в свободном светлом одеянии до пят с длинными рукавами.

Но, даже оказавшись рядом, он все так же оставался словно в тени — нечеткая, чуть подрагивающая контурами в мареве сияния фигура и неуловимые, размытые черты лица. И лишь удивительные пронзительно-голубые, глубокие, непостижимо мудрые глаза и столь же мудрая, немного печальная улыбка мужчины были видны настолько четко и ясно, что, казалось, этот взгляд и эта улыбка проникают в само сознание...

— Не меняют жизнь наполовину, Ян, — раздался у него в голове тихий, наполненный легкой иронией, светлым сопереживанием и великой мудростью голос. — Ты же не лечишь половину болезни или полраны только потому, что всю сразу исцелять страшно.

— У меня нет страха, — возразил Ян.

— Да, — согласился наставник, улыбаясь бесконечно доброй, понимающей и чуть ироничной улыбкой, — теперь в тебе нет страха смерти, страха боли, страха потери материального. Ты преодолел эти страхи, принял и постиг конечность всего земного и сумел подняться над болью. Осталось преодолеть страх перед жизнью.

И внезапно он приблизился, в один миг, неуловимым рывком. Заглянул в глаза — казалось, в само сознание, в память, в разум, в самую глубину истинной сущности Яна, — и все тем же нечеловечески мудрым, печально-ироничным голосом произнес:

— Жить страшней, чем не жить. Ты принял смерть, прими и жизнь. Пора, Ян. Пора начинать жить.

— Но я же живу, — напомнил Ян, поразившись нелогичности утверждения.

— Да? — усмехнулся наставник.

И все, что являлось в этот момент, в этом странном пространстве, Яном, — его личность, его разум, сознание, его сущность — вдруг затопило ярко-голубым светом, струившимся из глаз высшей сущности учителя...

— А-ах-х-х-х... — выдохнул непроизвольное восклицание, выскочив из сна, Ян, как хрипит тонущий, на пределе последних сил, вырывающийся на поверхность воды из морских пучин.

Резко, рывком сел на постели, втянул с шипением воздух, выдохнул и поделился с миром яркими впечатлениями, все еще находясь в быстро тускнеющем, понемногу отпускающем голубом свечении:

— Охренеть!

Покрутил головой, стараясь отделаться от странного сновидения, передернул плечами, с силой потер ладонями лицо, прогоняя остатки морока, прижал пальцами веки и повторил, подрастеряв первичную экспрессию:

— Охренеть.

Приснится же такое! Впрочем...

Он не столько удивлялся яркому, мощному по ощущениям, необычному сну, сколько поразился тому, с чего бы ему вообще привиделось и приснилось нечто подобное? Да еще настолько явственно, с невероятно четким ощущением полного присутствия и погружения в ту сновидческую реальность. Нет, бывали у него, конечно, разные сны, как и у каждого человека, но таких вот видений он как-то не наблюдал и не переживал ранее, если не считать...

Но то самое мы как раз считать не будем. Это история отдельная.

Хрен его знает, что такое, может, к перемене погоды? Сделав это успокаивающе-простое предположение, Ян посмотрел в окно. За окном, ничем не удивив и не порадовав, наблюдался все тот же тоскливый, безрадостный пейзаж поздней осени, навевающий ассоциации о бесприютной, стылой жизни, о холодеющих пальцах и насморочном ознобе, о собаках, которых добрый хозяин в эту промозглость ни в жизнь не выгонит на улицу.

Депрессивное межсезонье, которое, как говорится, ни два ни полтора: яркая осень отшумела, отблестав рыжей гривой, малиновыми губами, багряными нарядами в рябиновых бусах, а дивная зима со снегами и морозами подзадержалась. Время, в которое русскому человеку по чести пристало бы сидеть у камина или печки и предаваться философским размышлениям о смысле жизни и бытия, в частности бытия российского народа, его вкладе в историю человечества и истинном пути развития, и о том, каково это — телепаться-то народу по тому самому пути, когда такая вот погода превалирует во всей его жизни.

— М-м-м-да, — с тем самым философским сарказмом прокомментировал свои настроения Ян, поделившись с пространством недоумением: — Признится же...

Ладно. Что приснилось, то приснилось, к перемене ли погоды, или еще неизвестно к чему, или вообще ни к чему — бог с ним. Он отодвинул от себя утихающие эмоции, окончательно освобождаясь от сонных переживаний.

— М-м-м, — промурлыкал заспанный голосок рядом. — Ты чего подскочил? — не очень-то нуждаясь

в ответе, просто так, спросонок лентясь, спросила ночная подружка.

— Хм, — хмыкнул довольно Ян.

Откинул край одеяла, с удовольствием обозрел аппетитную, кругленькую девичью попку.

«Значит, говоришь, пора жить? — продолжил он мысленно диалог со светящимся фантомом из своего сна, оппонируя тому: — А я что, по-твоему, делаю? Живу, да по полной!»

И, в подтверждение своему заявлению, от ощущения той самой наполненности и правильности жизни с удовольствием, но легонько хлопнул по упругим ягодицам подружки.

— Ой, ты чего? — делано игриво возмутилась та.

И, повернувшись на бочок, подперев голову рукой, посмотрела со значением и явным приглашением, предоставляя его взору прекрасную грудь, гладенький животик и маленький темный треугольничек фигурно выбритых волос на лобке, «в прическе», как, посмеиваясь, называл этот парикмахерский изыск Ян.

— Пора вставать, — усмехнулся Стаховский.

С особым эстетским чувством окинул взглядом сию красоту, размышляя, не воспользоваться ли открытым предложением-призывом дамы, но вспомнил о недоделанной срочной работе, от которой, кстати сказать, она его вчера оторвала своим внезапным появлением. Заснули они только под утро, отчего, видимо, и привиделся ему этот странный сон. И, не удержавшись от разочарованного вздоха, Ян подавил желание в зародыше, не поддавшись искушению, лишь наклонился и поцеловал коротко в капризно надутые губки подружки, по выражению его лица уже понявшей, что утренних любовных утех не предвидится. И повторил распоряжение:

— Подъем. Позавтракай сама, а потом Михаил тебя отвезет.

— Как обычно, — вздохнула девушка, преувеличенно наигранно изображая недовольство.

— Как обычно, — подтвердил Ян.

И, ухватившись за металлический стержень турника над кроватью, «потарзанил» в сторону ванной комнаты, ловко цепляясь за перекладины, устроенные по этому маршруту, по ходу подтягиваясь по несколько раз и делая легкие упражнения на некоторых из снарядов.

Самый верный способ справиться со странным настроением, навеянным непонятным сном, еще до конца не отпустившим, — заняться привычными делами. Утренние гигиенические процедуры, два часа спорта, силовых нагрузок и тренировок, контрастный душ, завтрак и работа.

Какие сны, я вас умоляю!

Живем! Даже если у кого-то на этот счет имеется и другое мнение.

Что-то отвлекло его внимание, какой-то непонятный не то звук, не то шорох за спиной. Недовольно нахмурившись, Ян тряхнул головой, постаравшись отделаться от этого мимолетного ощущения, и вернулся к вычитке документа на экране монитора.

Но назойливая, неугомонная мыслишка, зацепившая край сознания, навязчиво напоминала о непонятном, еле уловимом шорохе, как предательски вылезший из подошвы гвоздь в ботинке терзает несчастную пятку. Понимая, что хрен он отделается от глупого беспокойства, раз обратил внимание на необъяснимую странность, раздосадованный Ян резко развернул кресло и...

И откровенно офигел, увидев маленького человечка.

Совсем маленький человек, одетый в яркий спортивный теплый комбинезон и курточку, дутые короткие сапожки и рыжую шапку с помпоном, сильно съехавшую набок под таким критическим углом, что готова была вот-вот и вовсе свалиться с головы. Сложив ладони замочком у груди, он стоял метрах в трех от Яна и молча смотрел на него тревожным, напряженным взглядом.

— Ага... — от неожиданности произнес Ян.

И только сейчас сообразил, что это всего лишь ребенок. Мальчик. Незнакомый ему ребенок мужского пола, появившийся столь тихо и неожиданно, словно в его доме случился акт некой материализации, перенесший парнишку из какой-то иной реальности. Ну, не совсем тихо, какой-то звук он все-таки произвел, раз его уловило и отметило сознание Яна, отвлекаясь от работы. Но, видимо, совсем тихий звук.

— Ты кто? — спросил он у мальчика.

— Кирилл, — представился ребенок.

— И как ты здесь оказался, Кирилл? — спросил хозяин дома у нежданного гостя.

— Бармалея ловлю, — махнув неопределенно ручонкой в сторону, ответил тот с таким видом, словно объяснил нечто совершенно очевидное и понятное всем и каждому.

— У меня дома? — подивился Ян.

— Ага, — интенсивно кивнул парень, подтверждая догадку хозяина, — потому что он здесь.

— Угу, — принял информацию Стаховский, — бармалея, значит. А бабайку вместе с ним не ловишь?

— Не, — рассмеялся мальчуган, — бабаек не ловят, ими детей пугают. Но я не боюсь, потому что я уже большой ребенок, меня вообще никогда бабайкой не пугали. Это старая глупость.

— Понятно, — кивнул, соглашаясь, Ян, ничего не поняв из данного объяснения, — значит, бабайка — это у нас глупость не актуальная, устаревшая, а бармалей — это глупость современная. Молодая. Так, что ли?

Пацан звонко, заливисто и задорно расхохотался, откинув голову назад, отчего его накренившаяся шапка слетела окончательно, упав на пол.

— Нет, — покрутил мальчишка усердно-отрицательно головой, даже не подумав поднимать свой головной убор, — бабайка — это просто так говорят. А Бармалей — это наш кот. — И принялся объяснять, помогая себе активной жестикуляцией: — Калитка была совсем чуть-чуть открыта, и Бармалей в нее шастнул и убежал, а я побежал его догонять. Звал, звал, но он меня не слушал и бежал, бежал, улепетывал прямо по дороге. А тут ваши ворота открыты, и он в них раз — и юркнул. Я его почти схватил, — размахивая ручонками, присел он на корточки, изображая, как почти поймал кота-беглеца. — А он вырвался и в дом скакнул.

Мальчик взял шапку, типа: ну, раз уж я тут присел, то можно и шапку прихватить, поднялся с корточек и махнул рукой куда-то себе за спину.

— Там дверь тоже открыта. — И свел ладошки, помогая себе мимикой, показал, насколько была открыта дверь: — На маленькую щелочку, но Бармалей протиснулся, а я за ним.

— Тоже протиснулся? — спросил Стаховский.

— Не, — снова звонко рассмеялся пацан, — прошел, Бармалей, когда пролезал, дверь открыл.

Так. Ну теперь понятно, как ребенок проник в дом. Михаил повез Веронику в Москву, а в это время курьер доставил продукты, заказанные Стаховским. Он от-

крыл калитку и дверь в дом с дистанционного пульта, принял заказ, а уходя, тот, по всей видимости, двери не захлопнул, а лишь прикрыл за собой.

Способ материализации ребенка в доме выяснили. Теперь бы выявить, стреножить и удалить причину этого самого появления. Не в конечном смысле «удалить», в более гуманном — всего лишь изловить котятру, вернуть хозяину и выдворить.

— Ну так позови своего Бармалея, — предложил самый логичный и простой вариант обнаружения животного Ян.

— Не-а, — покрутил головой мальчик, — он не придет. — И добавил после паузы, старательно выговаривая: — Проигнорирует.

— Непослушный? — уточнил Стаховский, начиная тихо посмеиваться.

— Свободолюбивый, — с небольшой запинкой, но достаточно твердо произнес еще одно непростое, явно специально заученное слово пацан и дополнил характеристику животного: — Мама говорит, что он слишком высокого о себе мнения, чтобы подчиняться кому-то. — И, тяжело вздохнув от безнадежности, оповестил: — Придется ловить.

— Ну, охотник из меня нынче неважный, — предупредил Ян, — разве только комара сытого прибить.

— Потому что у вас нет ног? — спросил ребенок, указав ручонкой на пустую подножку инвалидного кресла-каталки, в котором сидел хозяин дома.

— Точно. Это ты верно заметил, — подтвердил Стаховский.

— А куда они делись? — с большим интересом расспрашивал мальчик.

— Сломались, — попытался обойтись простым, коротким объяснением Ян.

— Надо было их починить, — порекомендовал ребенок, сочувственно вздохнув.

— Ты когда-нибудь ломал игрушки так, что их потом никак нельзя было выправить и починить? — спросил Ян.

— Случалось, — не очень охотно, но честно признался мальчонка. — Тогда игрушки приходилось выбрасывать.

— Вот и мои ноги сломались так, что их невозможно было починить.

— И вы их выбросили? — уставившись на мужчину расширившимися от потрясения глазешками, перепуганным шепотом спросил пацан, видимо красочно представив себе момент утилизации испорченных конечностей.

— Не то чтобы выбросил, но отрезать их пришлось, — поспешил Стаховский хоть как-то нивелировать произведенное несколькими жесткими жизненными откровениями негативное впечатление на ребенка.

— Хорошо, что не выбросили, — подумав, поделился размышлениями на эту тему мальчонка, — потом, может, и починят.

— Может, и починят, — согласился Ян и быстренько сменил тему беседы: — Так. Давай по делу, Кирилл. Если ваш Бармалей на зов приходит не торопится и вообще не чешется слушать чьи бы то ни было приказы и команды, а поймать его непросто, тогда, может, стоит попробовать его приманить? — И поинтересовался: — Что он у вас любит?

— Корм для котов и консерву Шеву, — старательно вспоминая, принялся перечислять пацан, загибая пальчики, мгновенно позабыв о безнадежно сломанных и выброшенных куда-то ногах соседа, — докторскую

колбаску из «хозяйства Власова», свежую говяжью печенку... — Задумался на пару мгновений и, явно вспомнив еще нечто важное из жизни кота Бармалея, обрадованно добавил пункт четвертый: — И соседскую кошку Клеопатру.

— Гурман, эстет и охочий до женского полу котяра, значит. Ну что, все знакомо, — хмыкнул Стаховский и предложил: — Что ж, за неимением соблазнительной Клеопатры и кошачьей консервы премиум-класса, прибегнем к тому, что имеем в наличии. Так что, Кирилл, двигаем в кухню, посмотрим, что у нас есть на предмет приманивания кошачьих.

— Двигаем, — с энтузиазмом согласился мальчик.

Обследовав содержимое холодильника и посоветовавшись, они пришли к единому мнению, что кусок парной телятины, которую вот только что доставил вместе с остальными продуктами курьер, позабывший закрыть за собой дверь в дом и калитку, будет прекрасным соблазнением-приманкой для кота Бармалея.

Отрезать большой шмат мяса, как предлагал щедрый мальчик Кирилл, Стаховский не согласился, резонно рассудив, что для охотничьей приманки вполне хватит и небольшого кусочка. Ну, ладно, пары-тройки небольших кусочков.

Телятину нарезали, выложили на одноразовую тарелку, нашедшуюся в хозяйстве Стаховского, категорически отказавшегося потчевать вломившегося в его дом соседского кота со своей фарфоровой посуды.

Тарелку с приманкой поставили на пол в кухне, и мальчик Кирилл приступил к зазыванию животного:

— Кис-кис-кис... — звал он, опустившись рядом с кошачьим лакомством на коленки. — Бармалейчик,